

Ермолович Д. В.
кандидат философских наук
Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, Минск

ГЕНЕТИКА И ПРАГМАТИКА ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ (Познание как моделирование действительности)

Аннотация. Исследование динамики познавательного процесса со стороны развития метода, рефлексии, сознания дает возможность увидеть историко-логическую трансформацию эпистемологических отношений субъекта и объекта познания. Утверждается, что метод моделирования сопровождает и характеризует уровень развития собственно научного познания. А познание в целом рассматривается как доступное субъекту моделирование действительности, т.е. активная познавательная деятельность субъекта от попыток моделирования на уровне обыденного сознания поднимается до «рабочего», технологического моделирования в науке и стремится к творческому, универсальному моделированию действительной жизни человека.

Ключевые слова: принцип противоречивости, система, познавательный метод, познавательный подход, отождествление, парные логические средства, аналогия, моделирование, принципы «черного ящика», «обратной связи», «активности».

Возникновение и развитие общенаучных принципов и средств познания является особенностью современного состояния науки и связано с усиливающейся тенденцией к интеграции научного знания. Образовывающаяся при этом структура (принципов и средств), в первую очередь научного знания, становится базисом для организации, как индивидуального мышления ученого, так и связывает субъекта и объект познания в единое целое – субъект-объектное познавательное отношение. Вместе с тем эта тенденция сама становится гносеологически преходящей. Рассмотрению логики (генетики – неизбежности, внешней причинности развития и прагматики – произвольности, как внутренней причинности развития) такого процесса и посвящается данное исследование.

Актуальным и перспективным этапом в научном познании неизбежно становится этап диалектического познания. Этот этап опирается на известный, благодаря успешному шествию неклассической науки, ряд методологических и рефлексивных принципов познания: относительности, неопределенности и дополненности [1]. Названные методологические принципы выступают регулятором научного поиска и тесно взаимосвязаны с философским принципом противоречивости. Т.е. принцип *противоречивости*, а значит и способность к разрешению противоречий в мышлении, уже не столько определяет функцию мышления, сколько сущность мышления (когда рефлексия вообще становится своеобразным водоразделом между разумным и неразумным, а собственно рефлекс-

сия – саморефлексия – между разумным и рассудочным). Под генерализованной функцией мышления будем понимать управление различного рода информационными (знаковыми) потоками, когда сама информация как функциональная характеристика отражения отличает собой «способность» к отражению неоднородности и разнообразия материального мира. А под сущностью мышления – организацию значащего (не просто знакового, а адекватного, синтетического, оценочного и в результате истинного) отражения, когда ставится и решается вопрос о принципиальной открытости (то единственное, что может обеспечить прогрессивное, негэнтропийное развитие человека) системы познания и действительной практики человека.

Классическая и неоклассическая философия, рассматривая познавательный процесс, обращает внимание на то, что логический (в мышлении) метод, в сущности, является историческим (в действительности) методом, но освобожденным от своей исторической формы: «логическое есть понятое (в понятиях выраженное) историческое» [2, стр. 238]. Современная же наука, обогатившись средствами методологического анализа, в состоянии проводить понятийный анализ исторического генезиса процесса познания как понятое и скоррелированное отношение фило- и онтогенезиса познавательного метода.

С одной стороны, метод познания как совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи, определяет собой меру адекватного отражения действительности человеком в его деятельности. Метод есть способ достижения определенных целей в познании и практике и в результате есть средство *получения нового знания*. Что касается научного метода, то это совокупность правил, приводящих к «истине», форма функционального синтеза предметного и нормативного знания, *система* регулятивных принципов и приемов, обеспечивающих объективное познание действительности. Причем, таким характеристикам, как «система» и «получение новой информации», в полной мере соответствует метод моделирования, что было уже заявлено В. А. Штоффом в классическом общем определении модели.

С другой стороны, методологический анализ различных вопросов научного познания опирается на исследование понятий объекта, знания и субъекта, т.е. требует осмысления взаимосвязи, целостности и опосредованности субъект-объектных отношений, требует критико-рефлексивного анализа рационального (см. [4]). Причем, трактовка названных исходных понятий методологического анализа, если сохранить гносеологический смысл, является своеобразной интерпретацией мировоззренчески ориентированных понятий «МИР», «КУЛЬТУРА», «ЧЕЛОВЕК».

Предложенные историко-логические и методологические предпосылки, примененные к анализу развития метода моделирования, позволяют различать

формальные и содержательные стороны познавательного процесса, выявлять специфику содержательной опосредованности научного познания. Причем, как содержательная сторона познавательного процесса, так и опосредованность научного познания, это не только создание специальной техники для научных исследований и «практицизация» наблюдательных наук, превращающая последние в экспериментальные, но и создание специальной технологии процесса познания: поиск методов, подходов, приемов, формирование соответствующих ожиданий и установок сознания. Поэтому представляется необходимым различать понятия метода и подхода в познании: *познавательный метод*, научный метод и методология вообще связаны с технологией «наличного» субъект-объектного познания, с оценкой объекта, а *познавательный подход* – с готовностью к познавательной деятельности и самой деятельностью, особенностями восприятия объекта, оценкой и самооценкой субъекта познания.

Что же касается формальной стороны познавательного процесса, то, различие субъекта практической и субъекта познавательной деятельности, возникающее в связи с разделением человеческого труда, феноменологизирует эволюцию самовыделения человека из окружающего мира. Козволюционный характер подобных проявлений субъекта познания обнаруживается в единстве общественного и индивидуального, практического и теоретического, обыденного и научного. Видимые границы обыденного и теоретического (научного) сознания в реальной жизни находятся в состоянии подвижного взаимодействия внешних и внутренних, являющихся и сущностных связей. Существовая в различных формах: обыденном и научном, сознание любого человека представляет собой сложный конгломерат уже систематизированного и все еще неорганизованного знания.

Таким образом, с помощью логико-исторического анализа предполагается достигнуть следующих целей: показать и обосновать динамическое единство и целостность познавательного процесса; реконструировать динамику познавательного процесса на различных этапах его развития; установить характер развития современной среды познания, внутринаучной рефлексии и познавательных средств.

Генезис обыденной формы познания

Предполагая объективность (и объектность) отражаемого и равно ей субъективность (и субъектность) отражения, действительное познание начинается с докритической (нерефлексивной) субъект-объектной акции, с того момента, когда субъект, от природы обладающий познавательной активностью, вступает во взаимодействие с объектом. Такое взаимодействие возможно потому, что субъектом уже пройдена стадия непосредственного отражения действительности, т.е. он «фиксирован», установлен на познавательный процесс. Познание объекта исходит здесь из возможности наблюдения и обнаружения (еще не познания)

связей и условий существования объекта. Таким образом, на докритическом этапе познания субъекту доступно многократное и разностороннее наблюдение объекта, но вне объекта такое познание существовать не может.

Однако обыденное познание – не мертвая фиксация какого-либо элементарного отражения (в виде знания – вот объект и все). Две взаимодействующие стороны (субъект и объект) выражают здесь собой гносеологическое (но не только) противоречие исторической ограниченности субъекта и логической неограниченности объекта в познании. При этом активность субъекта (в форме созерцания) обеспечивает стремление к собственному внутреннему равновесию (катарсису), но естественное развитие (во времени), как субъекта, так и окружающих его объектов выводит первого из «иллюзорного состояния» равновесия.

Названное гносеологическое противоречие может разрешаться исключительно в процессе социально-практической деятельности человека, которая, с одной стороны – исторически, многократно приводила сознание человека к осмыслению конкретного опыта, дабы этот опыт приобрел аксиоматическую значимость, а, с другой – индивидуально, проявляется как познавательная активность субъекта, в форме активной практической деятельности последнего.

Преодоление гносеологического противоречия происходит как во внешнем плане познавательного процесса – объективно (генетически), так и во внутреннем его плане – субъективно (прагматически). Казалось бы, процесс познания, находясь во внутреннем плане, должен развиваться из некоторой идеальной (не материальной, образной) формы. Однако человек, не умеющий сознательно оперировать логическим инструментарием познания, вынужден часто вообще отказываться от внутреннего плана познания и от опытного (элементарного) знания переходить непосредственно к «высшим формам познавательной практики» – «моделированию», минуя тем самым внутренний, «идеализированный» этап. В качестве гносеологической модели объекта познания здесь выступает сам предмет воздействия, как представитель некоторого класса предметов, и в этом смысле можно сказать, что гносеологическая модель совершенна, ибо абсолютно совпадает с объектом познания.

В свою очередь, случайно полученное знание носило и случайный характер. Нетребовательность к внутренним ресурсам субъекта, на уровне обыденного сознания, позволило утилитарному «методу моделирования» наряду с «методом (опытом) докритического осмысления» (только в кавычках, ибо всякий метод есть критическое осмысление, вывод из результатов познания) получить широкое распространение, чему способствовала и познавательная активность субъекта (уже у позвоночных животных отмечается выраженный ориентировочный рефлекс).

Зарождение научной формы познания

Поисковая активность открывает начальную фазу критического (рефлексивного) взаимодействия субъекта и объекта отражения. При этом апогеем «докритического» отражения становится тождество объекта и его образа в сознании познающего. Т.е. «рефлексивное тождество» есть фиксация отражения в виде образа познаваемого объекта. Однако отметим только то, что познавательный произвол субъекта логически отрицает сам объект (объект субъективируется), ибо субъект познания стремится как можно быстрее выйти из гносеологического противоречия. Другими словами, связывая появление образа объекта в сознании с «отождествлением», можно говорить о вступлении познания во внутренний план. Там образ объекта может храниться, в приемлемом для познающего виде, сколь угодно долго – до востребования, а чувственное познание (на уровне памяти и представлений) этим и ограничивается.

Зарождается новое противоречие (противоречие субъективного тождества и действительного неравенства объекта и его образа), выступающее для субъекта как проекция конфликта чувственной и рациональной сторон познания. Сознание вынуждено обратиться к «*парным логическим средствам*» познания: анализ-синтез, дедукция-индукция, абстрагирование-конкретизация и т.п. Кажущаяся самодостаточность, формальная сбалансированность логических приемов в паре не снимает противоречивости процессов познания, а только обеспечивает «парным средствам» широкое применение в познавательной (теоретической и практической) деятельности.

Результатом применения парных средств (методов) познания становится возможность отождествления не только объекта и его образа, но и двух или более, принадлежащих одному классу, образов, т.е. отождествляется познаваемый объект и образ другого объекта, а впоследствии и два различных объекта. Происходит своего рода перенос знания об одном объекте на другой объект – *аналогия*. Действие механизма аналогии продолжает критическое обеспечение процесса познания и подключает к нему новые процессы: самопознания и самоотражения. Однако неполное освобождение от источника аналогии удерживает субъект познания в рамках конкретно решаемой задачи и предоставляет познающему только алгоритмический выход из задачи.

Причем индивидуальное сознание, которое таким образом расширяет свою связь с окружающим миром (при этом, даже выходя во внешний план действий), продолжает опираться на внутренний план действий и потому неизбежно возникает новое противоречие: противоречие сходства и различия образа (или объекта) познаваемого и образа (или объекта) уже как будто познанного. При поиске максимального сходства осуществляется и оценка различия сравниваемых образов (объектов), что приводит познающего в состояние неудовлетворенности имеющимся уровнем достигнутого (конфликт как субъекта и знания,

так и субъекта и объекта). Фактическое разрешение логических противоречий (а это цель продуктивного мышления) лежит в переносе не только акцента, но и смысла познавательной стратегии со средств познания к его целям: формирование познавательной самодостаточности, творческой ориентированности субъекта познания.

Для разрешения имеющегося противоречия «аналогии» требуется создать некий новый (по отношению к двум сравниваемым) образ (или объект). Теперь уже не объект познания порождает свой собственный образ в сознании субъекта, а новый (трансформированный в сознании субъекта) образ, благодаря и посредством практической деятельности субъекта, порождает новый объект, имя которому – *модель* познаваемого объекта. Модель, существующая как во внешнем, так и во внутреннем плане действий, открывает собой стадию формирования (моделирования, основанного на принципе генетической общности явлений [2, стр. 276]) нового знания об отражаемом объекте – посредством создания во внутреннем плане действий, на эвристических началах, нового образа.

Причем моделирование подчинено условиям, учитывающим цель познания. Можно предположить, что лучшей моделью является сам объект. Это, однако, не так, ибо модели призваны служить как теоретическому, так и практическому овладению объектом, и необходимо искать оптимальные модели, соответствующие этим целям. Поэтому, модель можно представлять в трех последовательно сменяющих друг друга формах: объект-модель, модель объекта и модель-объект. Каждая такая форма в процессе познания обеспечивается его операциональной возможностью (исходный пункт) и операциональной действительностью (конечный пункт). Операциональная действительность третьей формы модели есть уже не столько познанный объект (как цель познания), а представляет собой продукт человеческой деятельности («опредмеченное – реализованное в продукте – мышление человечества» [2, стр. 137]). Источником познавательной (и не только) продуктивности, обеспечивающего непрерывность процесса познания внутренними ресурсами, выступает как возможная универсальность и полнота моделирования, так и бесконечная парадоксальность самой модели, когда возможна модель модели, модель модели модели и т.д. Познание из созерцательности превращается в особый способ отражения действительности, называемый наукой, а разрешение формального парадокса моделирования становится возможным благодаря «парадоксальности» творческого мышления исследователя. *Моделированием* завершается критическое обеспечение процессов отражения и самоотражения. Но с моделирования начинается действительное, практическое познание окружающего Мира. Отношение к Миров объективируется, и познание Мира из возможности становится реальностью, делая человека потребителем и производителем Человеческой культуры. Порождаемая в результате моделирования новизна обеспечивает приоритет внеш-

него плана действий над внутренним, а роль субъективного оценивания и контроля при этом становится определяющей, выражая тем самым недовольство человека самим собой.

В действительности исходное (онтогенетическое) формирование внутреннего (индивидуального) плана познания в процессе обучения возможно только как социализация познавательной деятельности и потому осуществляется в обратном порядке: от предметного моделирования (гносеологической модели объекта) к аналогиям и через логический инструментарий к аксиомам, к практическому пониманию. То есть логическое и историческое не совпадают по порядку следования и не накладываются друг на друга, более того простое понимается тогда, когда уже известно сложное (см. [2, стр. 238-247]).

Генезис научной формы познания

Началу собственно научного познания (и исторически – зарождению классической науки) свойственна недооценка роли субъекта в процессе познания. Это и понятно, объект познания сложнее, выше субъекта познания, ибо порожден высшим существом (и тайна находится не в самом объекте, а в высшем существе) и потому, в принципе, объект не познаваем (используется тема из работ Э. Г. и Б. Г. Юдиных, см., например, [4]). Человек тоже порождение высшего существа, но он ущербен, ограничен и потому вынужден интересоваться не знанием об объекте, а самим знанием, точнее, самим процессом познания, написанием «Книги природы». Но стремление к совершенству (на что ориентировала и теология), к прогрессу (требование развивающихся общественных отношений) двигало субъекта науки к дерзновенной мечте – уподобиться высшему существу. Субъект познания начинает творить копии объектов природы (высшее существо творило сами объекты), и порожденный этим век механицизма базировался исключительно на предметном моделировании. Поиск приемлемой классификации метода моделирования убеждает ограничиться предельно простой и общей классификацией, увязывающейся в требуемом отношении с эволюцией научного познания.

Предметное моделирование в своем развитии прошло путь от *субстратных* к *структурным* моделям. Преимущество последних определялось тем, что, имея подобную с объектом структуру, модель обладала другой субстратной основой, отчего связи между элементами становились более доступными для исследования.

Теоретическое обоснование метода моделирования (начавшееся с И. Ньютона) приводит к отказу в моделировании (как методе) от предметной наглядности, модели становятся логико-математическими и занимают в науке ведущее положение.

Таким образом, начинают использоваться иные познавательные средства, и научное познание представлено теперь знаковым моделированием. Причем на

данном уровне познания недооценивается роль истинного знания, т.е. за знанием признается только его эмпирический характер, а вопрос о научной истине снимается, ибо последняя выступает лишь организующей формой человеческого опыта. Объяснение этому факту находится в том, что, отказавшись в теории познания от «абсолютного интеллекта», познающий субъект получает возможность выбирать себе цель познания и направление приложения своих сил. Дифференциация науки закрепляет плюрализм теоретических построений. Ведущей целью познания становится не предположение о получении абсолютных истин, а сама результативность познания (чего требуют развивающиеся общественные отношения), т.е. субъект фактически не интересуется ни процессом познания, ни самим объектом (последний остается в принципе не познаваемым, ибо субъект познания всегда ограничен в средствах воздействия на объект). Методологическое сознание и практицизм субъекта, когда знание исключительно принадлежит субъекту (становясь авторским правом и средством для достижения успеха, своеобразным его капиталом), трансформирует логику познания в форму монологики субъекта.

Поэтому стремление к совершенству, к прогрессу не затухает: знание быстро увеличивается в своем объеме. Однако единственное, что остается субъекту познания - это все углубляющаяся формализация получаемого нового знания. Путь на дифференциацию науки становится проблематичным. Ученые «не успевают» объяснять обнаруживаемые факты. Эффективность применения знаковых моделей из-за неконтролируемой субъективации их применения падает. Все это неизбежно приводит к тому, что развивается не сам язык науки, а только знаковая модель такого языка, с помощью которой объясняется реальность. И главная, творческая часть исследования на данном этапе связывается с построением новых представлений о предмете познания, что порождает новые утверждения о реальности, но формально соотносит такие представления друг с другом.

Знаковое моделирование в своем развитии проходит путь от применения структурных к *функциональным* моделям. Функциональное модельное исследование применяется для познания объектов высокой степени сложности, когда непосредственное познание их структуры становится затруднительным. Причем относительная независимость функций не только от субстрата, но и от структуры объекта объясняет широкое применение функциональных исследований.

Осознанное требование к истинности всех компонентов познавательного процесса совершенствует методологическое сознание. Современные науки, такие как кибернетика, теория систем, синергетика, потребовали иного научного сознания, новых эффективных методов исследования: порождается новая гносеологическая модель и метод системного моделирования.

Однако приходится разводить понятия «системное моделирование» и «системный подход», ибо любой познавательный подход (в широком смысле) всегда оказывается системным. Например, в «структурной» фазе научного познания характерным для понимания сложных систем является глубокое убеждение в том, что законы развития и функционирования, свойства таких систем однозначно или, по крайней мере, в высокой степени детерминируются свойствами образующих их элементов. С этой точки зрения последовательное описание соответствующих элементов и их свойств рассматривается как эквивалент описания системы в целом.

Становление современной формы научного познания

Системная ориентация современного знания, как не только один из способов интеграции знания, но и как показатель общей зрелости науки, позволяет исследовать общие закономерности некоторого класса явлений на достаточно высоком уровне их абстрагирования (информационной формализации).

Понятие «система» характеризуется набором своих основных качеств: *иерархичность*, т.е. существует способ, позволяющий за конечное число шагов выделить в объекте фиксированное число внешних и внутренних подсистем различного уровня, вплоть до подсистемы некоторого уровня, состоящей из элементов, неделимых в рамках данного метода; *изменчивость*, т.е. для всех подсистем объекта на каждом уровне определен непустой набор отношений, а для динамических (развивающихся) систем – непустой набор преобразований; *целостность* – все элементы и подсистемы объекта связаны, т.е. не существует элементов или подсистем объекта, не включенных в какое-либо отношение или преобразование внутри этой связи.

Названные три основополагающие качества, определяющие систему любой сложности, являются объектами таких наук, как кибернетика, теория систем и синергетика, и определяют общую специфику, как современного знания, так и конкретно современного методологического мышления. Системная ориентация научного познания методологически устанавливает и регулирует философские и специальные научные исследования, определяет выбор объектов исследования, а также теоретических и экспериментальных средств для их изучения. Эта методологическая установка свойственна современному уровню методологического сознания. Можно даже сказать, что современная наука больше занята поиском методов познания, методов упрощения изучаемой сложной ситуации, чем самим познанием.

Новые задачи и новые возможности развивающейся науки уже привели к отказу, в границах функционального подхода, от знакового моделирования в пользу системного. Исследователь, избравший функциональный подход, претендует овладеть процессом управления системного объекта без полного раскрытия «внутренней» природы такого процесса. Т.е. исследователь, не дождав-

шись значимых результатов познания сущности явления (его качественной, содержательной стороны), моделирует «внешнее» поведение объекта. Тенденция развития науки на данном этапе такова, что научные методы исследования все больше становятся методами исследования не «сущности», «субстрата» и даже «структуры», а именно поведения, функционирования. Так, методологический принцип «*черного ящика*», заложенный в функциональном подходе к познанию, порождает собой качественно новый вид моделей – *чисто функциональные* модели, несущего, однако, и чисто методологическое значение. Такое значение уже имеет системный характер, но все еще ограничено рамками «макроподхода» в исследовании, служащего только средством первоначального изучения объекта познания, когда последний не допускает полного «просмотра»: прямому наблюдению подлежат лишь полюсы (вход и выход) объекта и его поведение.

В реальном исследовании объект познания обладает дискретной природой, состоит из большого числа не простых элементов, т.е. объект характеризуется как макро-, так и микроструктурой. Микроструктура проявляет себя не только как чисто структурное качество, но и как включающая в исследуемый объект новые принципы его функционирования. Таким новым принципом является принцип «*обратной связи*». Становясь методологическим, наряду с принципом «*черного ящика*», системное моделирование обогащается новым видом моделей – *собственно кибернетическим*, несущим уже как методологическое, так и прикладное значение.

Макро- и микроскопические аспекты исследования еще сохраняют функциональность подхода к познанию объекта, хотя «микроподход» уже обращает внимание на структурные взаимодействия и связи элементов объекта, на содержательную сторону этих взаимодействий. При этом рост количества элементов в системе исследуемого объекта уменьшает детерминацию (определенность функционирования) системного объекта, и сохранение целостности системы теперь требует, в первую очередь, сохранения основных связей внутри системы, а не самих элементов. Но связь между элементами системы может заменить сам элемент только тогда, когда эта связь несет в себе всю необходимую информацию об элементе. Таким образом, связь элементов объекта, делаясь информативной (имеется в виду качественная сторона информации), даже при потере какого-либо элемента системы, сохраняет целостность всего объекта, т.к. функции этого элемента сможет «взять на себя» другой элемент (другая подсистема), имеющий информацию о функционировании.

Теперь для познания процессов функционирования и развития объектов высокой степени сложности недостаточно опоры только на ранее рассматриваемые принципы «*черного ящика*» и «*обратной связи*». Во-первых, потому, что сфера интересов лежит не в выяснении правил функционирования элементов, а

в выявлении содержательной стороны связей элементов между собой. Во-вторых, потому, что с гибелью элемента гибнут и связи этого элемента, а остается только информация об элементе и его связях.

Расширение ряда методологических принципов позволит гносеологически рассматривать саморазвивающиеся объекты любой степени сложности. Введение принципа «активности» неизбежно трансформирует модельное представление идей самоуправления, самоорганизации и саморазвития в системном моделировании в новый мир моделей – *информационные*. Теперь сверхсложные («человекообразные» и «рефлексивные») системы непосредственно связываются с наличием в этих системах активного центра, способного к самоопределению и отражению взаимного соответствия системы с ее элементами. А программа исследования процессов, протекающих в сверхсложных динамических системах, в соответствии с нормами системной ориентации становится реальной лишь тогда, когда создаются необходимые метатеоретические предпосылки и условия для разработки и организации соответствующих концептуальных средств, с помощью которых можно теоретически описывать системы рефлексивного типа.

Новые задачи и новые возможности развивающейся науки приводят в действие новый – *информационный* подход, который позволяет познавать сложно-организованные, самоуправляемые и развивающиеся, обладающие «персональной» активностью, объекты. То есть для познания процессов функционирования и развития сверхсложных саморазвивающихся объектов необходима опора на методологический принцип «активности», представляемый и формализуемый в рамках информационного подхода. Ведь до сих пор теория познания, помимо чисто философской рефлексии и законов логики, могла опираться только на достижения психологии и физиологии высшей нервной деятельности. С проникновением же организационных идей в гносеологию (фазовые и неравновесные состояния, нелинейная динамика, диссипативность, бифуркация и др.), а тем более с появлением синергетической исследовательской программы и возможностью изучения процессов познания в свете теории организации, можно рассчитывать на то, что со временем, благодаря использованию новых информационных технологий, в области гносеологии будут получены качественно новые результаты. Организационная, «надметодологическая» (когда целью познания является не само знание, а знание окружающей действительности) направленность науки подскажет выход к разрешению проблем современности.

Дальнейшее развитие методологического анализа пойдет по пути освобождения от жесткой, строго детерминистской связи субъекта с объектом познания в своей познавательной практике; субъект же познания, опираясь преимущественно на практическое знание, получит возможность глубже проникать в тайники Природы.

Перспектива формы познания

С открытием исторической онтологии (или онтологии истории) (см. [3]) можно обсуждать как динамику формы познания, так и логическое содержание меняющейся формы. Причем в теории познания собственно онтология распадается на ряд онтологем, которые, в свою очередь, выражают различное отношение к истине.

Осознанное требование, как к истинности, так и практичности всех компонентов познавательного процесса порождает новое методологическое сознание. Реальное состояние дел в современной науке таково, что происходит фактическая трансформация ее структуры. Интегративный характер научных исследований, «работа» с объектами высокой степени сложности ведут к проблемной классификации наук, а структура науки зачастую приобретает прямо нормативный характер. Требования как к организации, проведению исследований, так и к внедрению получаемых результатов акцентирует внимание исследователей на поиске адекватной исследовательским проблемам технологии познания. Ясно, что эволюция методологического сознания при этом сопровождается не только постепенным проникновением диалектических форм мышления в науку, но и эволюцией самих онтологем познания.

Обыденному познанию соответствует онтологема ситуативности, которая описывается логикой ситуации, а не сознания. Обыденная логика, опирающаяся на житейский опыт человека, может варьировать от ситуативной (часто хаотической) логики через логику здравого смысла к мудрости. Здесь истина абсолютно самостождественна (тавтологична, а потому банальна и выступает в виде заповеди или табу). Узнать истину нельзя, способ проникновения в содержание знания единственный – откровение, т.е. человек истину получает сразу и в полном объеме (в готовом виде или в результате «озарения»): изменить что-либо или не согласиться нельзя.

Научное познание определяется онтологемой полезности и описывается логикой рациональности, непротиворечивости. Акцент в познавательной деятельности смещается к технологии получения истины, сама же истина задается дедуктивно в виде гипотезы. Однако объективное приращение знания можно получить только индуктивным путем и поэтому такое знание несет в себе вероятностный характер. Подразумевается различие истин на абсолютные и относительные, т.е. «рабочая истина» рассматривается только как модель истины и требует оценки на непротиворечивость.

Перспектива познания связывается с онтологемой разумности и должна описываться диалектической логикой (логикой восхождения к истине, поиска смысла). Истина познается. Мир не только практически открывается, но и строится самим человеком для человека. Моделирование как метод познания телеологически конкретизируется, разрабатывается новый класс организационных

методов познания, на смену и в дополнение к различного рода моделям в рамках информационного подхода формируется внерамочный, открытый и принципиально новый подход – *креативный*. Организационные методы и креативный подход диалектически отрицают как дифференциальные, так и интегральные познавательные технологии и создают предпосылки для открытия универсальных технологий не только познания (самопознания), но и воспитания, образования, производства и потребления.

Литература:

1. Ермолович Д.В. Перспективы и динамика развития научного мышления // Актуальные вопросы диалектики (историко-философские аспекты). Тез. XIII науч.-практич. конф. каф. философ. РАН / Ред. кол.: Гирусов Э.В. и др. – М.: ИФРАН, 2000. – С.135-137.
2. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки теории и истории. – М.: Политиздат, 1984. – 320с.
3. Межуев В.М. Историческая теория Маркса и современность // Философское сознание: драматизм обновления. – М.: Политиздат, 1991. – С.279-306.
4. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. – М.: Наука, 1986. – 262с.